

Н. И. МИЛЮТЕНКО

История сложения Паримийного чтения Борису и Глебу

1. Вводные замечания

Борис и Глеб, сыновья Владимира, крестившего Русь, были убиты своим старшим двоюродным братом Святополком в 1015 г. Именно они стали первыми русскими святыми, затмив в сознании людей своего великого отца. Святость Владимира не признавали не столько греческие иерархи, сколько его соотечественники,¹ почитание его святых сыновей к концу XI в. было повсеместным на Руси. Ко времени торжественного перенесения мощей Бориса и Глеба в новый каменный храм в Вышгороде (1115 г.) сложился целый цикл посвященных им произведений: летописная повесть об убиении братьев, два больших жития (Анонимное сказание и «Чтение» Нестора), краткие проложные жития, церковные службы и Паримийное чтение, предмет настоящего исследования.

Паримии — это тексты преимущественно из Ветхого Завета, читавшиеся на вечерне в большие праздники и ежедневно в дни Великого поста. Существовали общие чтения мученикам, святителям и преподобным, если им не были установлены отдельные паримии. На Руси пользовались переводом греческого Паримийника, но очень рано стали составлять самостоятельные подборки для русских святых. Одной из первых были паримии Борису и Глебу.

Существовало два варианта чтений святым братьям. Первый сохранился в древнейшем списке 1271 г. (РНБ, Q.п.1.13, Захарьинский паримийник). Паримия составлена из 3 чтений: Быт. 4:8—15; Притч. 3:34—35, 4:1—22; 1 Ин. 4:20—21, 5:1—6. Все тексты взяты не из четких или толковых книг, а из Паримийника и оформлены соответствующими ссылками:

«Чтение 1. Ищи въ вторникъ 2 недели поста вечерни 1. Отъ Бытия чтение. „Рече Каинъ къ Авелю, брату своему...“.

Чтение 2 от Приточъ. „Господь гордымъ противить ся, съмѣрен...“. Ищи сеи въ понедельникъ 2 недели поста, ту же вечерню 2.

Чтение 3-ю, писана: 3 паремия Иоанну Богослову. „Възлюблени, аще къто речеть, яко: «Люблю Бога, а брата ненавижу...»“. Ищи септября въ 26».

Второй вариант паримий встречается в составе служб Борису и Глебу и известен по спискам начиная с XIV в. (РНБ, Соф. 429). Они состояли из Быт. 4:8—15; Ис. 43: 9—14; Прем. 4:7—15.

¹ В «Повести временных лет» летописец жалуется под 1015 г.: «Мы же, крстьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного (Владимира) възданию <...> видя бо Богъ тишание наше къ нему, прославилъ бы и» (БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 174). К тому же призывает Иаков Мних в «Памяти и похвале Владимиру»: «Не дивимся, възлюблѣнии, аще чудесь не творить по смерти, мнози бо святии праведнѣи не свориша чудесь, но святѣи суть» (Там же. С. 320—322).

Первый вариант отличается более тщательным подбором. Первое чтение — это рассказ о первом братоубийце, Каине. Фрагмент оканчивается угрозой семикратного отмщения тому, кто попытается убить Каина. Второе чтение начинается со стиха «Господь гордымъ противить ся, смиреннымъ даетъ благодать» и продолжается поучением сыну (Притч. 4:1—22). Противопоставление мудрых нечестивым — основная тема этого отрывка. Третье чтение содержит цитату из 1 Послания Иоанна, входящую почти во все памятники Борисоглебского цикла: «Иже рече: „Бога люблю“, а брата ненавидитъ, ложь есть» (1 Ин. 4:20—21). 1—6-й стихи 5-й главы Послания Иоанна также посвящены теме Божией любви. Второй вариант библейских паримийных чтений составлен из рассказа о Каине и Авеле и двух обычных паримий, положенных мучениками (Ис. 43:9—14 и Прем. 4:7—14).

В XVII в. установился современный вид паримий Борису и Глебу. Это не индивидуальная подборка, а канонические ветхозаветные чтения, положенные мученикам.²

Помимо обычных библейских паримий Борису и Глебу были так называемые исторические паримии (термин Л. С. Соболевой). В этом памятнике примерно равный объем занимают оригинальный рассказ о событиях 1015—1019 гг. и цитаты из Ветхого и Нового Заветов в соединении с пересказами истории библейских персонажей. Содержательная часть «исторических» паримий посвящена не мученичеству Бориса и Глеба, а двум эпизодам войны Ярослава со Святополком: сборам в поход в Новгороде в 1015 г. и Альтской битве 1019 г. Рассказы о новгородских событиях и Альтской битве, упоминание об убийстве Святослава Древлянского и связанное с ним рассуждение о праведных и злых правителях почти в том же виде читаются в «Повести временных лет». Древнейший список «исторических» паримий датируется XIV в. Это дополнительная тетрадка, подшитая к основному тому уже упоминавшегося Захарьинского паримийника 1271 г.

Во фрагментах, совпадающих с «Повестью временных лет», источники библейских текстов были определены А. А. Шахматовым. Он же впервые выделил в паримийном рассказе о смерти Святополка обширную цитату из Хроники Георгия Амартола.³ Л. С. Соболева в своем обстоятельном исследовании определила остальные библейские тексты и указала, что все они, кроме трех, заимствованы из Паримийника. Однако она не обратила внимания на то, что рассказы о ветхозаветных Каине и Ламехе основаны тоже на Хронике Амартола,⁴ а фрагмент об Авимелехе, вероятно всего, на Хронографе по великому изложению.

Включение в богослужебную книгу, составленную сплошь из отрывков Писания, оригинального текста, посвященного местным святым, — уникальный случай в истории средневековой литературы. Неудивительно, что «исторические» паримии Борису и Глебу привлекали неизменное внимание исследователей.

2. Состав «исторических» паримий и их источники

Л. С. Соболева выделила три редакции «исторических» паримий. Краткая (древнейший список XIV в. в составе Захарьинского паримийника РНБ,

² С о б о л е в а Л. С. Исторические паримии Борису и Глебу — малоизученный памятник Киевской Руси: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

³ Ш а х м а т о в А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 177—178, 184—185.

⁴ Они определены Н. Н. Невзоровой, см. наст. том, с. 428—452.

Q.п.1.13, 1271 г.); Пространная (древнейший список XIV в. РНБ, Q.п.1.14); Дополненная (лучший список ГИМ, Муз. 254, XVI в.). Древнейший вид паримий, по мнению исследовательницы, сохранился в списке 1550 г. (Особая редакция, РГБ, Унд. 1271).⁵

Я не согласна с исследовательницей, что именно Унд. лучше всего сохранила древнейший вид «исторических» паримий. Речь Ярослава, где ярче всего звучит тема отмщения братоубийце, примерно в том же виде читается и в Q.п.1.13, и в Q.п.1.14. В Унд., как мы увидим далее, уже присутствует ряд вторичных чтений, присущих всем другим редакциям. Что же касается отличий редакции Q.п.1.13 от Q.п.1.14, то здесь налицо явные дефекты протографа Захарьинского паримийника, повторенные во всех сделанных с него списках. В Первом чтении пропущено окончание цитаты из 1 Ин. 4:20—21; во втором чтении пропущены слова Бориса и Глеба, обращенные к Святополку.

Текст «исторических» паримий в их настоящем виде не отличается цельностью. Это композиция разнородных элементов, где присутствуют и повторы, и нарушения логики изложения.

«Исторические» паримии разделены на три части и в рукописях часто так и названы «Святую мученику Бориса и Глеба чтения 3». Заголовок «От Бытия чтение» предпослан каждой части, хотя в тексте есть всего две точные цитаты из книги Бытия. Первая входит во Второе чтение, в сравнение Ярослава с Авраамом, освободившим своего племянника Лота из плена (Быт. 14:14—16, *Нед. Св. Отец* — здесь и далее курсивом указан день, когда читается библейский текст на вечерне). Вторая включена в Третье чтение («Рече Ламехъ своимъ женама...», Быт. 4:23—24, *Ср. 2 нед. В. пост.*). Там же Святополк дважды сравнивается с Каином, но текст основан на Хронике Амартола, а не на Паримийнике.

Все Первое чтение составлено из Притчей Соломона с добавлением цитаты из Послания Иоанна: Притч. 17:17—19, 22—24, 26 (*Пяти. 5 нед. В. пост.*); 1 Ин. 4:20—21 (память *Иоанша Богослова, 26 сент. и 8 мая*); Притч. 12:9—10 (*Вт. 4 нед. В. пост.*); Притч. 18:3 (*Пяти. 5 нед. В. пост.*). Поэтому в некоторых поздних паримийниках заглавие исправляли на «Отъ Приточъ чтение».⁶ Это не просто ветхозаветная паримия, так как в ней уже есть упоминание о Святополке. В связи с ним и приведена цитата из Послания Иоанна: «О, лють душе твоеи, понеже „свъѣтъ зльь свѣѣшаша“ (Ис. 3:9) на правдивую своею братью. Рекъ тако: „Избью братию свою всю, и буду единъ властель въ Руси“. А не вѣдьи, яко мечь Божии острить ся на нь, не помянувъ слова Иоана Богословца, обличающа его: „Взлюблении, аще кто речеть: «Бога люблю, а брата своего ненавижу», ложь есть“. Этот текст как нельзя лучше соответствует истории свв. братьев, он входит в библейские паримии Борису и Глебу и часто цитируется в житиях. Слова Святополка — перефразировка речи князя из рассказа об убийстве Святослава Древлянского: «И нача помышляти, яко: „Избью братию свою, и прииму власть Русьскую единъ“. Помысли высокоумиємъ своим, не вѣды, яко: „Богъ даетъ власть... (Дан. 4:21)“». Этот фрагмент включен в Третье чтение и в том же виде читается в статье 6523 (1015) г. «Повести временных лет» (см. ниже). Чтения на пятницу 6-й недели Великого поста, как показала Н. Н. Невзорова, переделаны и переосмыслены, чтобы лучше раскрыть тему возмездия братоубийце. Библейские и русские тексты неразрывно связаны друг с другом, и нельзя видеть в них случайное механическое соединение.

⁵ Соболева Л. С. Исторические паремии Борису и Глебу — малоизученный памятник Киевской Руси: Дисс. ... канд. филол. наук // НБ ЛГУ. Л., 1981. С. 31—35, 121—130.

⁶ Там же. С. 30.

Во Втором чтении говорится о сборах Ярослава в поход на Святополка, в связи с этим кратко упоминается гибель Бориса и Глеба. Во всех летописях подробно рассказывается о конфликте Ярослава с новгородцами. Горожане поссорились с варягами, нанятыми Ярославом для борьбы со своим отцом, князем Владимиром, и перебили их. Князь в отместку перебил новгородцев. Узнав о смерти отца и гибели братьев, он собирает вече, где рассказывает новгородцам о событиях в Киеве и просит их помощи. Второе чтение начинается рассказ сразу с веча. Объясняя, почему Ярослав затеял переговоры с собственными горожанами, составитель кратко замечает: «Бѣ бо и самъ о тѣи чинѣ рагозень с новгородцы, и не хотяху ему помогати на Святополка».

Рассказ о вече почти дословно совпадает с «Повестью временных лет», за исключением нескольких сокращений и повторов. Решение горожан помочь князю в паримии объясняется текстом из Послания апостола Павла к римлянам: «Братия! Бога боите ся, а князя чѣтите...» (Рим. 13:4). В летописях его нет. Это первая цитата, отсутствующая в Паримийнике. Она взята, очевидно, из Апостола Апракос (*Суб. 7 нед. по Пятидесятнице*). В дальнейшем изложении тоже есть и добавления, и пропуски.

Обширное сравнение князя с ветхозаветным Авраамом читается в Паримии после слов «И събра Ярославъ варягъ тысящу, а прочихъ вои 40 тысящъ, и поиде на Святополка...». В «Повести временных лет» его нет, там сразу следует молитва Ярослава. Библейский рассказ о том, как Авраам освободил своего племянника Лота, захваченного эламским царем, приведен полностью (Быт. 14:14—16, *Нед. Свв. Отец*), только 15-й стих незначительно сокращен. Однако, вопреки каноническому тексту, Лот в 16-м стихе назван не племянником, а шурином Авраама. Это объяснено цитатой из Речи Философа («Повесть временных лет», 6494 г.): «И бѣ Авраму Лотъ сыновѣць и шуринь, Аврамъ бо бяше появь братьню дщерь Ароновню Сарьру». Представляется маловероятным, чтобы, списывая текст из Паримийника, автор самостоятельно поправил Священное Писание, пусть и по такому авторитетному источнику, как летопись. Такие же вставки в канонический библейский текст, посвященные Сарре и Лоту, есть еще только в «Прибавлении к Палее» (Полная хронографическая Палея, РНБ, Пог. 1453, л. 453—453 об.).

В Библии сказано, что Сарра была дочерью отца Авраама Фарры от другой жены (Быт. 20:12). Иосиф Флавий (Иудейские древности, Кн. 1, гл. 6) полагал, что она была дочерью брата Авраама Аррана и родной сестрой Лота. В «Прибавлении к Палее» об этом говорится в главе, озаглавленной «О Фарѣ и о Аврамѣ изъ Царскихъ книгъ писано». Никакой ссылки на Иосифа Флавия нет, но вместо канонической книги Бытия названо «Дробное писание» (апокрифическое Малое Бытие). Фрагмент явно выписан откуда-то целиком, при этом позаимствовано неправильное определение источника: «Царские книги» (книги Царств) вместо книга Бытия. Непосредственно перед историей Авраама в «Прибавлении» помещен рассказ о расселении сыновей Ноя и древних царях (л. 441—452 об.). Текст сопоставим с Вводной частью «Летописца Еллинского и Римского» и, как осторожно предположил О. В. Творогов, может происходить из их общего источника — Хронографа по великому изложению.⁷ Этот памятник был основан на хрониках Георгия Амартола и Иоанна Малалы с различными дополнениями, в том числе из апокрифов. Он известен нам только в составе позднейших сочинений (Полной и Краткой хронографических Палей, «Прибавления» к Полной хронографической палее и Троицкого хронографа). Хро-

⁷ Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий и исследование. СПб., 2001. С. 141.

нограф по великому изложению был источником сведений по всемирной истории для составителя Начального свода (1093 г.), куда достоверно входила уже и Речь Философа.⁸

В Речи Философа об освобождении Лота не говорится, пояснение читается в рассказе о переселении Авраама в Ханаанскую землю (Быт. 12:1—7). Цитата точна, за исключением небольших сокращений, именованя Лота «шуриномъ и сыновцемъ» и перемещения 4-го стиха в конец. Неоднократно отмечалось, что та часть Речи Философа, где излагается история еврейского народа по Ветхому Завету и апокрифическим сказаниям, сходна с Толковой и Полной палеей.⁹ Некоторые чтения совпадают также с Вводной частью «Летописца Еллинского и Римского». Небольшие пропуски и дополнения свидетельствуют о самостоятельном обращении автора Речи Философа к общему источнику «Летописца» и Толковой палеи. В интересующем нас месте Толковая палея и Хронографическая палея точно цитируют книгу Бытия,¹⁰ и летопись соотносима только с «Прибавлением к палее»: «Аврамъ же бѣ не имѣя дѣтии, зане же жена его Сара неплоды бяше, и шурина своего Лота, суца братана своего, створи собѣ сына. Дробное же писание глаголетъ, пиша сице, яко сестра есть Сара Арамови, но не тое же матери. Но от Арона рожену, от брата Аврамля, и бысть ему братана и жена» (Быт. 12:5).

Возможно, что пояснение в библейскую цитату было внесено еще в Хронографе по великому изложению. В «Прибавлении» о том, что Сарра — племянница Авраама, говорится дважды, причем в обоих случаях не очень удачно сокращен источник. Рассказ «О Фарѣ и Аврамѣ» обрывается на Быт. 12:7, а о пленении и освобождении Лота в Библии говорится в Быт. 14:5—16. Если в Хронографе этот рассказ все же был, то, возможно, здесь опять упоминалось, что Лот — шурин Авраама. Так как в паримии есть еще совпадение с Вводной частью «Летописца Еллинского и Римского», то можно предположить знакомство ее создателя непосредственно с Хронографом по великому изложению.

Молитва Ярослава перед выступлением в поход в паримии короче, чем в «Повести временных лет». Здесь нет слов, которыми князь оправдывает войну с братом. Вместо них стоит текст, который можно считать и продолжением речи Ярослава, и авторским пояснением: «„Да будетъ мщца Богъ кровь брату моею, зане безъ вины пролия кровь праведную сию“, глаголаста бо ему Борис и Глеб: „Вѣси, брате, не противѣвѣ, ни въпреки глаголевѣ, писано бо есть: Господь гордымъ противить ся...» (Притч. 3:34). Весь этот текст — переработка плача Бориса по отцу и его предсмертного обращения к убийцам из Анонимного сказания о Борисе и Глебе: «...мученикъ буду Господу моему, азъ бо не противлю ся, зане пишеть ся: „Господь гордымъ противить ся, съмѣреннымъ же дасть благодать“»; «Вѣси бо, Господи мои, яко не противлю ся, ни въпреки глаголю, а имыи въ руку вся воя отца моего и вся любимыя отцемъ моимъ...».

Текст продолжают ветхозаветная и новозаветная цитаты, толкующие о святости: Прем. 3:1 (*Нед. Всех Святых*) и 1 Петр. 1:15—16 (*память ап. Петра и Павла 29 июня*). С них начинается небольшая похвала Борису и Глебу: «Въ страсть Божия пожиста лѣта своя, вѣдуще, яко нетлѣннымъ златомъ и сръбромъ избавльна быста отъ суетнаго сего жития...».

⁸ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 18—22, 58—66.

⁹ Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи // ЖМНП. 1906. Февраль. Отд. 2. С. 185—225; Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 77—80, 131—149. См. также: Милютенко Н. И. К вопросу о некоторых источниках Речи Философа // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 55. С. 10—11.

¹⁰ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892. Стб. 254—255, Пог. 1435, л. 70 об.

В паримии похвала помещена там, где в «Повести временных лет» стоит рассказ о Любечской битве (в летописи он следует сразу за молитвой Ярослава). В похвале упоминается Вышгород. Вечными стражами на его стены самим Богом поставлены Борис и Глеб: «Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде, устройхъ стража всѣя дни и всѣя нощи» («На стены твои, Вышгород, Я поставил двух стражей на все дни и все нощи»). Это — перефразировка текста из книги пророка Исаяи (62:6, *Нед. Всех Святых*): «И на стѣнахъ твоихъ, Иерусалиме, устройхъ стражи всѣя днь и всѣю ношь, иже до коньца не премолкнуть, поминающе Господа».¹¹ Только в паримии святые поставлены Господом не славить Его, а «хранить и укреплять отчину свою, Русскую землю, от врагов язычников».

По середине текста перед словами «Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде...» похвалу во всех списках разрывает киноварный заголовок «От Бытия чтение». То, что это середина цельного пассажа, видно по продолжающейся теме отмщения крови праведников, начатой в молитве Ярослава. Фраза «Сею бо кровь и до коньчины вѣка вѣпиуючи къ Богу не прѣстаеть на незаконнаго и гордаго Святополка...» вводит совпадающие с летописью упоминание об убийстве Святослава Древлянского и рассуждение о княжеской власти.

В этом рассуждении есть два текста, отсутствующие в Паримийнике. Цитата из пророка Даниила (4:22) объясняет тщетность попыток Святополка захватить единоличную власть в Руси. Она ведет нас опять к Хронографу по великому изложению, так как книга Даниила с толкованиями входила в его конвой в сборниках.¹² Текст из Екклезиаста включен в рассказ о греховном правителе: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унь (Ек. 10:16), любяи вино пить съ гусльми и съ младыми свѣтниками». Далее Святополк сравнивается с Антиохом, разорителем Иерусалима. Фрагмент обрاملен двумя цитатами из Исаяи: Ис. 1:6 (*Пл. 1 нед. В. пост.*) и Ис. 3:1—4 (*Пяти. 1 нед. В. пост.*), и в обоих случаях указан источник: «Тако бо Исаяя рече»; «...яко же Исаяя глаголетъ». Екклезиаст с толкованиями едва ли был переведен раньше XII в., но именно эти слова могли быть заимствованы из какого-то переводного сочинения и не осознавались как библейский текст. Источником сведений об Антиохе Епифане могла быть только Хроника Георгия Амартола,¹³ так как 1 Маккавейская книга была полностью переведена только в XV в.

В паримии нет рассказа о событиях 1016—1018 гг., и составитель сразу переходит к Альтской битве 1019 г., где Святополк был разбит наголову Ярославом. Описание в основном совпадает с «Повестью временных лет», но есть ряд серьезных отличий: в летописи не говорится о грозе во время боя и участии ангелов, а в паримии не сказано о смерти Святополка от паралича. Мы подробно рассмотрим этот вопрос в следующем разделе.

За сообщением о бегстве Святополка с поля боя в паримии следует цитата из Хроники Георгия Амартола, описывающая смерть Ирода Великого: «Его же по правдѣ, яко неправедна, суду пришьдъшу, по ошствии сего свѣта, прияша мукы, оканьнааго. Показавше явѣ <...> посыланая пагубная рана въ смърть немилостивно вѣгна».¹⁴ В цитате иудейский царь не назван, но ассоциация для искушенного читателя была очевидна. Имя Ирода стало нарицательным для преступника-правителя, как имя Каина для братоубийцы. Хотя он и современ-

¹¹ В современных Паримийниках чтения Ис. 62:6—12 в Неделю Всех Святых нет. Указано по сп. РНБ, Q.п.1.13, л. 226 об. и Q.п.1.14, л. 145.

¹² Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 67—68.

¹³ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе (далее — Хроника Георгия Амартола). Пг., 1920. Т. 1. С. 199, 202—203.

¹⁴ Хроника Георгия Амартола. С. 215—216.

ник Христа, о его конце в Новом Завете не говорится, зато в Хронике Георгия Амартола болезнь и смерть иудейского царя описаны очень подробно.

Тяжесть кары Святополка, подобная Иродовой, объясняется тем, что он, зная о проклятии Каина, повторил его преступление. В этом смысле его сравнивают с потомком Каина Ламехом, который убил, зная о наказании своего предка. Этот фрагмент основан на тексте 1-й главы Хроники Амартола.¹⁵ Только там говорится, что убитые Ламехом «муж» и «юноша» были братьями Еноха и что их вдовы стали женами убийцы. Речь Ламеха цитируется не по Хронике, где она сокращена, а по Паримийнику (Быт. 4:23, *Ср. 2 нед. В. пост.*). Из 1-й главы «Временника» в составе Хроники Амартола происходит утверждение, что Каин принял 7 отмщений. В книге Бытия, наоборот, 7 отмщений предназначены тому, кто убьет Каина (Быт. 4:15, *Вм. 2 нед. В. пост.*). У Амартола этому уделено много места, и отдельно со ссылкой на Василия Великого перечислены все 7 кар, посланных на Каина. О «стѣнании и трясении», упомянутых в Библии, говорится трижды,¹⁶ и именно эту кару призывает на Святополка Ярослав в молитве на Альтском поле.

В завершение Святополк сравнивается с Авимелехом, сыном судьи Гедеона от рабыни (Суд. 8:30—35, 9). Книга Судей впервые читается полностью в составе Хронографа 1262 г., и неизвестно, была ли она переведена намного раньше.¹⁷ Паримийное чтение близко не Хронике Георгия Амартола,¹⁸ а отрывку «Еллинского Летописца» 2-го вида: «Гедеону же от многихъ женъ быша сыновъ 70, да единъ от прелюбодения Авимелехъ. <...> и шедъ въ дом Гедеоновъ, лестию всю братию свою, 70, избѣ. <...> И се жена верже на него уломокъ жерновныи, удари ѣ въ главу...».¹⁹ В паримии написано: «Съи же Святопѣлкъ новыи Авимелехъ бысть, иже ся убо родиль отъ прелюбодѣяннн отъ чьрноризиць, иже избѣ братию свою, сыны Гѣдеоновы. Последи же жена самого уломкомъ жернова уби съ города. Тако же и съ Святополкъ». У Амартола сказано, что братья Авимелеха были «отъ свободныхъ женъ», а его уцелевший брат говорит об убийце: «сынъ наложницѣ отца моего». Это соответствует библейскому тексту (Суд. 8: 30—31, 9:18), где ни разу не сказано, что Авимелех родился от «прелюбодения». Такая формулировка есть только в «Еллинском Летописце» и в совпадающем с ним тексте в паримии и «Повести временных лет». Возможно, что Вводная часть «Еллинского Летописца» 2-го вида, где это написано, отразила начало Хронографа по великому изложению.²⁰

Едва ли случайно в паримии не сказано, что Авимелех, не желая позорной смерти от руки женщины, приказал слуге добить себя. Акцент сделан на том, какая жалкая смерть постигла жестокого государя. Подобна ей была, по мысли автора, и гибель русского князя.

Оканчивается Паримийное чтение довольно неожиданно — сообщением о вокняжении Ярослава в Киеве.

3. «Исторические» паримии и летописные рассказы о событиях 1015—1019 гг.

Рассказ о княжении Ярослава входил в состав Древнейшего свода, предшественника Начального свода и «Повести временных лет». Как полагал

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Там же. С. 32—33.

¹⁷ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 23.

¹⁸ Хроника Георгия Амартола. С. 114—115.

¹⁹ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. С. 14.

²⁰ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 18, 20—22.

А. А. Шахматов, свод был составлен в 1039 г. при жизни князя и продолжался приписками вплоть до его смерти.²¹ Д. С. Лихачев полагал, что это была не собственно летопись, а Сказание о распространении христианства на Руси.²²

Княжение Ярослава излагалось в Древнейшем своде уже достаточно подробно. Рассказ начинался с описания обстоятельств смерти Владимира, но, возможно, там еще не говорилось об отказе Ярослава платить дань с Новгорода Киеву и готовящейся войне с отцом. Там были уже более или менее подробные рассказы о смерти Владимира, убийстве Бориса и Глеба и описания всех битв со Святополком, составленные явно со слов участников.

Деления на погодные статьи в Древнейшем своде еще не было,²³ и хронологическая сеть накладывалась на единое повествование задним числом. Рассказ о приходе Ярослава к власти был поделен между 1014—1019 гг.; предыстория конфликта Ярослава с отцом отнесена к 1014 г.; гибель Бориса, Глеба и Святослава — к 1015 г.; Любечская битва — к 1016 г.; поход на Берестье и нападение печенегов на Киев — к 1017 г.; битва на Буге отнесена к 1018 г. и Альтская битва — к 1019 г. Следы деления единого рассказа видны в «Повести временных лет» под 1015—1016 и 1018—1019 гг. Знаменательно, что оба рубежа в делении текста приходятся на стыки фрагментов, совпадающих с Паримийным чтением, и светских летописных рассказов. В первом случае это описание новгородского вече, сборов Ярослава в поход и Любечской битвы, во втором — рассказ о наеме варягов в 1018 г., краткое упоминание об Альтской битве и подробное ее описание под 1019 г.

В начальной части Новгородской 1 летописи младшего извода (далее — Н1 мл.), как показал А. А. Шахматов, читается не «Повесть временных лет», а предшествовавший ей Начальный свод 90-х гг. XI в. (далее — НС).²⁴ К сожалению, текст Н1 старшего извода (ркп. XIII в., далее — Н1 ст.) сохранился только с середины статьи 1016 г. (рассказ о Любечской битве), и, анализируя статью 1015 г., мы вынуждены опираться только на списки Н1 мл. (XV в.). В статьях 1016—1019 гг. Н1 мл. следует не «Повести временных лет» или НС, а Н1 ст., где события 1018—1019 гг. даже не упомянуты. Последняя статья Н1 ст. и Н1 мл., рассказывающая о борьбе Ярослава за власть (6525 (1017) г.), дает нам новгородскую редакцию и сообщает о походе на Берестье и закладке Софийского собора в Киеве, не упомянутых в «Повести временных лет» или НС. А. А. Шахматов полагал, что древнейшая новгородская летопись появилась в 1017 г. как отклик на утверждение Русской Правды и Ярославовых грамот городу. Дальше изложение было фрагментарным и неполным вплоть до закладки Софии Новгородской (1045 г.).²⁵

Статья 6523 (1015) г. Н1 мл. содержит рассказ о смерти Владимира, похвалу ему (как полагал А. А. Шахматов, в древнейшей редакции) и повесть об убийстве Бориса и Глеба. Начиная с описания гибели Глеба, в летописном тексте появляются вставки из Анонимного сказания о Борисе и Глебе. Сообщением о перенесении мощей Глеба в Вышгород статья Н1 мл. по Комиссионному и Академическому спискам XV в. заканчивается. Похвалы святым, сообщения о смерти

²¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398—420.

²² Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 62—76.

²³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 460—491; Лихачев Д. С. Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 87.

²⁴ Шахматов А. А. Разыскания... С. 182—196 и след.

²⁵ Там же. С. 505—509. Новое исследование Начального свода в составе Н1 ст. и мл. предпринято А. А. Гиппиусом.

Святослава Древлянского и рассуждения о княжеской власти здесь нет. Они есть только в Троицком списке XVI в., где текст обрывается на цитате из пророчества Исайи. Судя по всему, Троицкий список представлял другую редакцию Н1 мл., чем Академический и Комиссионный, хотя и восходил к их общему протографу. Н1 мл. была непрерывно ведущейся летописью, а Троицкий отражал этап, заверченный к 1433 г., тогда как Комиссионный и Академический соответственно 1439—1444—1446 гг.²⁶ Но даже если именно Троицкий точно следует ранней редакции Н1 мл., то это не значит, что указанные тексты были под 1015 г. в Начальном своде: А. А. Шахматов проследил здесь последовательное повторное обращение к «Повести временных лет».²⁷ В статье 6624 (1016) г. Н1 мл. по сравнению с Н1 ст. есть вставки из паримии и Анонимного сказания.

Внутренне непротиворечивый рассказ сейчас читается только в Н1. Текстуально совпадают в изложении событий 1015—1019 гг. только «Повесть временных лет» и паримия. Первичные чтения обнаруживаются попеременно в обоих.

Первый совпадающий фрагмент, упоминание об убийстве Святослава Древлянского и связанное с ним рассуждение о злых и добрых правителях, в летописи стоит в статье 1015 г. перед рассказом о событиях в Новгороде. Логическая последовательность сохраняется не в «Повести временных лет», а в паримии, где эти тексты помещены после рассказа о сборах Ярослава в поход. То, что это именно первоначальный вариант, видно из характера известия, которое получает Ярослав в Новгороде. В «Повести временных лет» Предслава сообщает брату только о гибели Бориса и угрозе Глебу, о Святославе, тоже уже убитом, даже не упоминается. Если же первоначально рассказ о Святославе Древлянском помещался после описания событий в Новгороде, то понятно, что о его гибели не говорится в сообщении, полученном Ярославом. Текст Н1 лучше соответствует «Повести временных лет», так как Предслава не сообщает имен убитых, а говорит нейтральное: «Отец ти умерлъ, а братья ти избиена». Но неизвестно, упоминался ли Святослав в новгородском летописании вообще.

Ни в Н1, ни в паримии, ни в «Повести временных лет» в рассказе о новгородских событиях не упоминается о том, что Ярослав послал предупреждение Глебу. Это вступает в противоречие с рассказом об убийении, читающимся ныне в обеих летописях. Здесь мученик получал весть именно от старшего брата. Это молчание согласуется только с древнейшим вариантом рассказа об убийении, где вообще не говорится, откуда Глеб узнал о смерти отца и Бориса. Как указывал А. А. Шахматов, древнейший текст без правок и дополнений, присущих НС, лег в основу одного из видов Проложного чтения.²⁸ Старший список читается в той же дополнительной тетради Паримийника Q. п. 1. 13 сразу за «историческими» паримиями.

Рассказ об убийении (ПВЛ, Н1)	Рассказ о Новгороде, ПВЛ	Рассказ о Новгороде, Н1	Рассказ о Новгороде, Паримия
<p>Въ се время пришла бѣ вѣсть Ярославу отъ Передславы о отъни смърти, и посла къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи...».</p>	<p>В ту же ношь приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передславы си: «Отъць ти умьрлъ, а Святополкъ сѣдти ти въ Кыевъ, <u>убивъ Бориса, а на Глѣба посьда</u>, а блюди</p>	<p>И въ ту же ношь изъ Кыева сестра Ярославля Передслава присла къ нему вѣсть, рекше: «Отъць ти умердъ, а братия ти избьена». И се слышавъ Ярославъ заутра събра новгород-</p>	<p><u>Слышавъ Ярославъ, яко отъць ему умрь, а Святополкъ сѣдъ въ Кыевъ, избивая братию свою: уже бо бѣ Бориса убиль, а на Глѣба послалъ, печалень бивъ велми о оть-</u></p>

²⁶ Б о б р о в А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 76—77.

²⁷ Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов. М.; Л., 1938. С. 174.

²⁸ Ш а х м а т о в А. А. Разыскания... С. 42—44.

ся сего повелику». И се слышавъ, Ярославъ печалень бысть о отьци, и о брату, и о дружинѣ. Заутра же събравъ избытокъ новгородьцъ, Ярославъ рече: <...>. И утре слъзь, и рече имъ на вѣчи: «Отъць мои умрѣ, а Святополкъ седѣ въ Киевѣ, избивая братию свою».

повъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече къ нимъ: <...>. И тако рече имъ: «Братъе, отецъ мои умерлъ есть, а Святополкъ княжить въ Киевѣ. Хошо на него поити, потягните по мнѣ».

ци и о братии. Уби бо Бориса на Лтъ, а Глѣба на Дънѣпри. Съжаливъ же си велми, и съзва новгородци, и рече имъ: «Отъць мои умрѣ, а Святополкъ седѣ въ Киевѣ, избивая братию свою».

В паримии не сказано, кто именно предупредил Ярослава. А. А. Шахматов считал, что имя Предславы было внесено в Начальный свод в 90-х гг. XI в. из Жития Антония.²⁹ Однако она упоминается в Н1 мл. Это нельзя считать только вставкой под влиянием НС: новгородский летописец во многом был лучше осведомлен о том, что происходило при дворе Ярослава, чем его киевский коллега. Важно, что емкий текст сообщения изначально был приписан равному Ярославу лицу: по всем летописям в нем отсутствует обращение «княже» (см. табл.). Имя Предславы было, вероятнее всего, сокращено составителем паримии, а не отсутствовало в ее источнике.

Из таблицы видно, как в летописную фразу («И се слышавъ, Ярославъ печалень бысть о отьци, и о брату, и о дружинѣ») вставлено сообщение о событиях в Киеве. Оно составлено из речи Ярослава на вече (в паримии она поэтому читается дважды) и послания Предславы, где изменено только время: аорист на плюсквамперфект, чтобы подчеркнуть давность события. Далее составитель сам написал, где именно были убиты Борис и Глеб, и вернулся к тексту, сходному с «Повестью временных лет». В тех случаях, когда «Повесть временных лет» расходится с Н1, Паримийное чтение совпадает с киевским источником. В соответствии с ним переданы речи Ярослава и новгородцев и указана численность войск. В Н1 говорится о реальных тысяче варягов и 4 тысячах новгородцев, а в «Повести» речь идет уже о 40 тысячах новгородцев, в паримии — о 6000 варягов и 30 000 новгородцев.

В «Повести временных лет» в рассказ о сборах в поход вставлена молитва Ярослава, совпадающая с паримией. То, что это вставка, показывает повтор. Летописец дважды пишет: «И поиде на Святополка». Первый раз этими словами, как и в паримии, вводится молитвенное обращение Ярослава, второй раз с них начинается описание действий Святополка: «И събра Ярославъ варягъ тысящу, а прочихъ вои 40 тысячъ, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: „Не азъ почахъ...“. И поиде на Святополка. Слышавъ же се Святополк...». Молитва выбивается из стиля, в котором были описаны происшествия на новгородском вече: разговорная речь, отсутствие риторических украшений и христианской топики. Перейдя под 6524 (1016) г. к дружинному рассказу о Любечской битве, летописец возвратился опять к «светскому» стилю. В Н1 никакой молитвы Ярослава нет.

В паримии после сообщения о выступлении Ярослава в поход, совпадающего с «Повестью временных лет», читается отсутствующее в летописи сравнение князя с ветхозаветным Авраамом. «И събра Ярославъ варягъ 6000, а прочихъ вои 30 тысячъ, и поиде на Святополка, въсприимъ Аврамлю доблесть. Слышавъ бо Аврамъ <...> Тако и сии Ярославъ, новый Аврамъ, поиде на Святополка, на-

²⁹ Там же. С. 215, 262.

рекъ Бога, рекъ: „Не азъ почахъ“». А. А. Шахматов впервые отметил, что сравнение Ярослава с Авраамом стилистически близко сравнению Святополка с Авимелехом, вошедшему и в летопись, и в паримию, и, следовательно, изначально.³⁰ Однако современный текст паримии нельзя считать источником летописи. В первых, здесь тоже есть повтор фразы «пойде на Святополка», во-вторых, в молитве отсутствуют слова, которыми Ярослав оправдывает поход на брата. В обоих памятниках к историческому рассказу о численности войск Ярослава и его выступлении в поход присоединена риторическая часть. Изначально она состояла из омованного на Библии сравнения Ярослава с Авраамом и молитвы. Молитва Ярослава начиналась с упоминания о походе на Святополка, о чем шла речь и в исторической части, из-за чего в обоих памятниках возник повтор.

В паримии есть сравнение Ярослава с Авраамом, отсутствующее в летописи, зато нет окончания молитвы князя. Призвав божественное возмездие на братоубийцу, Ярослав восклицает: «Еда и менѣ тако сътворити, нѣ суди, Господи, по правдѣ, да съкончатъ ся зѣлоба грѣшнаго». Можно предположить, что эти слова были приписаны летописцем, но они имеют слишком большое значение: ими оправдывается выступление против старшего брата. В паримии их заменил пересказ речей Бориса и Глеба, объясняющий значение подвига братьев. Для Паримийного чтения это важно, так как о вольной жертве святых ничего еще не было сказано, упоминалось лишь убийство княжеских братьев. Ветхозаветная и новозаветная цитаты, толкующие о святости, неразрывно связывают собственные слова святых с похвалой им. Перед нами искусное присоединение к чужому тексту своего, построенного на реминисценциях из Анонимного сказания о Борисе и Глебе и Библии. Заключительные слова молитвы, в полном согласии с примером Авраама провозглашающие справедливость вооруженной борьбы с убийцей, вступают в противоречие с идеалом, провозглашенным святыми. Составитель паримии убрал их.

За похвалой святым в паримии следует упоминание об убийстве Святослава Древлянского и поучение о злых и добрых правителях. В «Повести временных лет» отсутствует сравнение Святополка с Антиохом, разорителем Иерусалима: «Отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха». Оно явно изначально: такие слова подходят современнику Владимира и Святополка. Очевидно, именно по этой причине летописец позднее изъясил их.

Переход от рассуждения о грехах стран и правителей к рассказу об Альтской битве в паримии крайне неудачен. Последняя фраза, цитата из Книги пророка Исая, относящаяся к Святополку, начинает рассказ о Ярославе: «...и поставлю уношу князя имѣ, и ругатели обладають ими» (Ис. 3:1—4). И приде Ярославъ въ силѣ велицѣ и ста на Лѣтъ полѣ...».

Казалось, это противоречит прежнему выводу, что первоначально сообщение о Святославе помещалось после рассказа о новгородских событиях. Но в «Повести временных лет» описания и Любечской, и Альтской битв начинаются с упоминания именно о Святополке: «Слышавъ же Святополкъ идуща Ярослава...»; «Приде Святополкъ съ печенѣгы въ силѣ тяжцѣ...». В паримии о подходе войск Святополка говорится только после совпадающего с летописью сообщения о том, как оба князя стали двигаться навстречу друг другу: «...и поидоша противу себѣ, и покрыша поле Летъское обои от множества вои. Бѣ же пятокъ тѣгда, въсходящю сѣлицу, приспѣ бо о тѣ чинѣ Святополкъ съ печенегы, и съступиша ся обои...». Здесь явно неудачно отредактирован исходный текст.

³⁰ Там же. С. 52—53.

Паримийный рассказ об Альтской битве в основном совпадает с летописным, за исключением описания грозы и помощи ангелов в бою Ярославу. Упоминание об ангелах свидетельствует, что перед нами текст, написанный специально для паримии. Если бы оно изначально было в летописи, то обязательно вошло бы и в Анонимное сказание, куда летописный рассказ об Альтской битве был включен почти полностью. Первоначальный рассказ о бое сохранился в «Повести временных лет».

А. А. Шахматов полагал, что паримийное описание ночного боя во время грозы возникло под влиянием рассказа о Лиственской битве между Ярославом и его младшим братом Мстиславом в 1025 г.³¹ Тогда бой действительно был ночью. Из-за ненастья и сильного дождя Ярослав не ожидал атаки в темноте и потерпел сокрушительное поражение. Рассказ об этом событии очень красочен, кроме того, описания битв 1019 и 1025 гг. стилистически близки, что тоже могло повлиять на составителя паримии.

ПВЛ, 6527 г.

И бысть съча зла, ака же не бывала в Руси. И за руки емлюще, съчаху ся, и съступаше ся трижды, яко по удолиемъ крови теци. И къ вечеру одолъ Ярославъ,

ПВЛ, 6532 г.

И бывши нощи, бысть тьма, и мълния, громъ и дождь. <...> И бысть съча зла:

яко посъвѣтѣше мълнѣя, блъщашеть ся оружѣ. <...> И бѣ гроза велика, и съча сильна и страшна.

Паримия

И бысть съча зла, ака же не бывала в Руси. И за руки емлюще, съчаху ся, и по удолиемъ кровь течаше. И съступаше ся трижды, и омеркоша бьюще ся. И бысть громъ великъ и тутънь, и дождь великъ, и мълнѣя блистанѣе. Егда же блистаху мълнѣя, и блистаху ся оружѣ въ рукахъ ихъ. И мнози вѣрнии видяху ангелы, помогающа Ярославу. Святополкъ же, давъ плещи, побѣже.

а Святополкъ побѣже.

Добавление рассказа о грозе привело к фактическому расхождению с летописью. Чтобы вставить свой текст, составитель паримии во фразе, завершающей рассказ о бое в «Повести временных лет», заменил слова: «И къ вечеру одолъ Ярославъ» на: «И омеркоша бьюще ся». Получилось, что битва продолжалась часть ночи, а по «Повести временных лет» бой шел днем. Вставка собственного рассказа о бое сделана составителем Паримийного чтения так же, как и вставка похвалы Борису и Глебу: отсечением последней фразы совпадающего фрагмента.

М. Х. Алешковский считал, что в летописном рассказе об Альтской битве нет ни одной реальной подробности, только на основании того, что описание отличается образностью.³² Выражение «кровь, текущая ручьями» действительно стало общим местом древнерусской литературы и прочно вошло в набор традиционной лексики воинских повестей. Слова, что воины в бою хватали друг друга за руки, наоборот, совершенно конкретны. В левой руке воина всегда был щит. К концу продолжительного боя он часто приходил в полную негодность. Тогда воин пускал в ход левую руку, стараясь захватить противника. Такие изображения дерущихся есть и на русских, и на западноевропейских миниатюрах. Это выражение тоже стало общим местом в описании крайней степени ожесточения боя. Помимо «Повести временных лет» оно встречается в XI в. в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (кн. 5, гл. 6:5): «И отъ мечь искры летаху, и, за руки емлюще, съчаху ся». Но этой фра-

³¹ Там же. С. 46—47.

³² Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971. С. 99.

зы нет в греческом оригинале, она придумана переводчиком для «оживления» рассказа. Нельзя с уверенностью утверждать, что она заимствована из перевода в летопись, а не наоборот.

Если из статьи 1019 г. вычленишь описание собственно боя, то окажется, что оно ничем не отличается от рассказов об остальных сражениях времен Ярослава: Любечской битве 1016 г. (ПВЛ, Н1), обороне Киева в 1017 г. (Софийская 1), битве на Буге 1018 г. (ПВЛ), Лиственской битве 1025 г. (ПВЛ, С1) и Киевской 1036 г. (ПВЛ, С1). В них не повторяется ни одна конкретная деталь, все они отличаются образностью и яркостью описаний при точном знании диспозиции, сил противников и хода боя. Как правило, приводятся речи князей, воевод и воинов (Любеч, 1016; Буг, 1018; Листвен, 1025). Любимым выражением летописца было «И бысть (бѣ) съча зла» (Любеч, 1016; Альта, 1019; Листвен, 1025; Киев, 1036). Дважды (Альта, 1019; Киев, 1036) он обозначает время окончания боя словами «Къ вечеру (одва) одолѣ Ярославъ». В этих рассказах нет благочестивых рассуждений, молитв и упоминаний о Божией помощи. Они явно вышли из дружинного окружения и записаны были еще при жизни Ярослава Мудрого, т. е. вошли в Древнейший свод, предшествовавший Начальному. Конкретных подробностей в описании Альтской битвы не меньше, чем других: указаны место боя, силы участников, время начала битвы, ее продолжительность и количество атак. Иностраным телом в летописи статью 6527 (1019) г. делает скопление цитат и аллюзий на Ветхий и Новый Заветы, уникальное для Древнейшего свода. Подобное встречается только в повествованиях о просветительской деятельности Ольги и Владимира.

Текст статьи 1019 г., который мы находим теперь в «Повести временных лет», нельзя считать первичным еще по одной причине. Во вступлении к молитве Ярослава, дословно совпадающей с паримией, сказано, что князь «ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса» (в паримии: «ста на Лть полѣ, идеже убиша Бориса»). Но в летописной статье 6523 (1015) г. подробно рассказывается, как Борис был убит под Киевом, а на Альте только ранен. Текст молитвы, где Ярослав призывает Бога отомстить «кровь правьдуюю, яко же мѣстиль еси кровь Авьлеву», не позволяет понимать «убиша» в значении «ранили». Следовательно, утверждение, что Борис был убит на Альте, было заимствовано в летопись вместе с молитвой Ярослава из другого источника. При этом летописец не обратил внимания на то, что в результате соединения разнородных текстов возникло противоречие со статьей 1015 г.

Это не единственный случай в литературной истории Борисоглебского цикла. Механическое соединение двух версий убийства Бориса мы находим в Анонимном сказании. От первоначальной редакции («Сказания страсти») сохранилась совершенная по стилистике и эмоциональной насыщенности сцена гибели князя воскресным утром на Альте. Она завершается словами: «И абие успе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива мѣсяца июля въ 24 днь преже 9 каландѣ августа». Впоследствии прямо к этой фразе присоединили летописный рассказ о том, как раненого Бориса по приказу Святополка добились на бору под Киевом. Возникло противоречие: святой, «предавший душу в руки Бога», т. е. скончавшийся, оказывается жив, и его второй раз убивают.

В «Повести временных лет» за сообщением о поражении Святополка следует описание его панического бегства. Его разбивает паралич, ему кажется, что за ним гонятся, но никого нет. Он добирается до своего Берестья, бежит в Польшу, бежит дальше в Чехию и, наконец, умирает от болезни в «пустынь межю Чехи и Ляхь». В паримии этого рассказа нет. Там сразу читается цитата из Хроники Георгия Амартола, описывающая мучительную смерть Ирода Великого. Текст

полностью совпадает с летописью, включая небольшой пропуск и отсутствие имени Ирода, описание просто отнесено к Святополку.

За цитатой из Амартола и в «Повести временных лет», и в паримии следует фраза «И по смърти вѣчно мучнѣсть, связанъ естъ въ дѣно аду, понеже вѣдая, братоубиство створи». В паримии она читается как продолжение предыдущего текста, являясь логической связкой со следующим фрагментом о Каине и Ламехе. О них говорится и в «Повести временных лет», но во фразе-связку в летописи вставлено описание могилы Святополка. «И по смърти вѣчно мучимъ естъ, связанъ въ дѣнѣ аду. Естъ же могила его въ пустыни и до сего дѣни. Исходить же отъ нея смрадъ зълъ. Се же Богъ показа на показание княземъ русьскимъ. Да аще сице же сътворятъ, <...> ту же казнъ приимуть, нѣ и большею сея, понеже, вѣдая се, створити тако же зло братоубиство».

Текст фрагмента о Каине и Ламехе совпадает почти полностью, за исключением утверждения паримии, что мучения Святополка были хуже, чем у них обоих: «А Святополкъ, вѣдая, сътвори, и обою горши бысть мука ему». Эта фраза стоит между пересказом соответствующего отрывка из Георгия Амартола и дословной цитатой из книги Бытия (Ср. 2 нед. В. пост.). Вероятнее, это вставка в паримии, а не пропуск в летописи.

Завершает Паримийное чтение и статью 1019 г. «Повести временных лет» сравнение Святополка с Авимелехом. Слов «последи же жена самого уломкомъ жернова уби съ города» в летописи нет, и читатель остается в неведении относительно конца преступника. Это не случайный пропуск, а намеренное сокращение. В паримии легко читается намек на насильственную смерть Святополка. На это же намекает Анонимное сказание, где гибель Святополка сравнивается со смертью Юлиана Отступника: «Яко же бо и Иулианъ цѣсарь <...> невѣдомо отъ кого прободенъ бысть, копиемъ в сѣрдце вѣдруженъ, тако и съ, бѣгая, не вѣды ся отъ кого злострастну съмъртъ прия». О гибели византийского императора рассказывалось в Хронике Георгия Амартола и в Хронографе по великому изложению: «Блудящимъ убо во емъ и зело гибнуцимъ, обрѣтоша и ницъ лежаща. Внезапу бо послано копие на нь, и прободенъ бысть в мышьцу, вниде же ему в ребра. Тѣмъ прободениемъ животь сы испроверже, невѣдущу ему, кто и уби. Праведно же убиство его никто же свѣдаетъ и до днешнего дни, обаче ли человекъ, ли ангель се створи, Божию мановению служитель бысть».³³ Очевидно, сначала «праведное убиство» мыслилось заслуженной карой братоубийце. Утверждение агиографа, что никто не знал убийцу Святополка, представляется натяжкой. В скандинавских сагах об Эймунде и об Ингваре Путешественнике говорится, что это были варяжеские наемники Ярослава.³⁴

Со временем ситуация изменилась, и убийство перестало восприниматься как исполнение «Божьего мановения». Появился летописный рассказ о болезни Святополка, а сравнение его гибели со смертью бесславно убитого Авимелеха исчезло. Пропал последний намек на насильственную смерть Святополка, убитого по приказу Ярослава. Прослеживается явная закономерность. В паримии действия конкретного человека являются орудием божественной воли. Летописец возлагает отпущение преступлений на Бога без участия человека. Назидательный смысл этого ясен: легко вообразить себя исполнителем Божьей воли и совершить по своей самонадеянности тяжчайший грех убийства.

³³ Хроника Георгия Амартола. С. 363.

³⁴ Русский перевод см.: Дж а к с о н Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 113—115; Г л а з ы р и н а Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002. С. 251—252.

Рассказ об Альтской битве и смерти Святополка от болезни из летописи со всеми прочими вставками перешел в Анонимное сказание и был помещен перед цитированным сравнением с Юлианом Отступником. Он завершался рассказом только о Каине и Ламехе, судьба Авимелеха даже не упоминалась. Так из Сказания фактически тоже было убрано сообщение об убийстве Святополка.

Возникает вопрос: были ли рассказы о смерти Святополка от паралича и о его могиле, которая до сих пор смердит, в летописном источнике Паримийного чтения? А. А. Шахматов относил их к Древнейшему своду. Д. С. Лихачев предположил, что они появились только в Никоновском своде 70-х гг. XI в.³⁵ Вероятнее всего, в той летописи, с которой был знаком составитель паримии, их еще не было. Он сделал вставки из статьи 1015 г. о событиях в Новгороде, даже из статьи 1025 г. о Лиственской битве. Едва ли бы он выпустил такие интересные рассказы.

В Н1 мл. и Н1 ст. статей 1018—1019 гг. нет. В Н1 мл. по сравнению с Н1 ст. в рассказ о Любечской битве сделаны две вставки, повествующие об Альтской битве и смерти Святополка. Похоже, позднейшие летописцы ощущали необходимость рассказать о завершении борьбы Ярослава со Святополком, которое совершенно не интересовало новгородцев в XI в.

Первая вставка — отрывок из паримии: «И бысть съча зла, оже за руки емлюще ся, съчаху, и по удолиемъ кровь течаше. Мнозѣ вѣрнии видяху аггелы Божии, помогающа Ярославу». Далее следует совпадающее с Н1 ст. сообщение «И бѣжа Святополкъ въ печенегы» (согласно «Повести временных лет» он после Любечской битвы бежал к ляхам). К нему в Н1 мл. без всякой связи приписана вторая вставка — краткий пересказ фрагмента о смерти Святополка «межи чахы и ляхы». Этот текст с небольшими отличиями читается и в Анонимном сказании, и в «Повести временных лет», поэтому возникает вопрос, пользовался редактор только житийными памятниками или еще и летописью.

Более вероятно, что источником дополнений для Н1 мл. не была «Повесть временных лет». Из нее можно было бы взять рассказы и о битве на Буге, и о помощи новгородцев Ярославу в 1018 г., и, главное, было бы сложно перепутать, в каком году была Альтская битва. Если же опираться на Анонимное сказание и паримию, в которых была описана только битва на Альте и не было никаких дат, то запутаться было немудрено. Напомню, что статью 1015 г. редактор Н1 мл. дополнил рассказом о знаменаниях над телом Глеба именно по Анонимному сказанию.

4. Источник Паримийного чтения и его датировка

П. В. Голубовский, впервые обратившийся к «историческим» паримиям, предположил, что они послужили источником для «Повести временных лет».³⁶ Того же мнения придерживался и Н. Н. Никольский.³⁷

В «Разысканиях...» А. А. Шахматов указал на ошибочность этой гипотезы. Сам он предположил, что составитель Паримийного чтения заимствовал историческую основу в Начальном своде, а затем уже при работе над «Повестью временных лет» Нестор обращался к Паримийному чтению как к источнику.³⁸

³⁵ Лихачев Д. С. Историко-литературный очерк. С. 94.

³⁶ Голубовский П. В. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваницкой минее 1547—1579 гг. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Вып. 3. С. 125—164.

³⁷ Никольский Н. Н. Материалы для повременного списка русских писателей. СПб., 1906. С. 271—272.

³⁸ Шахматов А. А. Разыскания... С. 45—54.

Заимствованиями из паримии он считал рассуждение о злых и добрых правителях, цитату из Хроники Амартола и комментарий к цитате о Ламехе вместе со сравнением Святополка с Авимелехом. В издании «Повести временных лет» 1916 г. весь текст статей 1015—1019 гг. дан одним крупным шрифтом. Судя по всему, исследователь теперь полагал, что он относится весь к Начальному своду. Было ли Паримийное чтение его источником или, наоборот, заимствовало большую часть из летописи, он не указал. В целом шахматовская история сложения текста Паримийного чтения вполне логична. Однако она не объясняет всех противоречий.

А. Н. Насонов полагал, что Паримийное чтение в его настоящем виде было составлено в Вышгороде, а его источником были вышгородские записки. По мнению исследователя, они носили летописный характер и включали первую запись об убиении Бориса и Глеба.³⁹

Л. С. Соболева впервые предположила, что у летописи и у краткой редакции «исторических» паримий 1115 г. (Q.п.1.13) был общий источник. По ее мнению, это была первоначальная редакция Паримийного чтения, созданная в период 1036—1054 гг. (Особая: РГБ, Унд. 1271).⁴⁰ Однако в Особой редакции уже есть дополнения вторичного характера, основанные на летописных текстах: рассказ о вече, описание грозы во время Альтской битвы. Поэтому говорить о ней как об источнике летописи нельзя.

Рассмотрим еще раз соотношение летописного повествования и «исторических» паримий. Фактическая часть Паримийного чтения, как отмечал еще А. А. Шахматов, основана на летописи. Хорошо видна ее вторичность по отношению к источнику: рассказ о новгородском вече изобилует повторами, в рассказе об Альтской битве соединены две годовые статьи.

В летописном рассказе о борьбе Ярослава со Святополком 1015—1019 гг. только в двух статьях 1015 и 1019 гг. автор вложил в уста Ярослава молитвы, только в статье 1015 г. написал рассуждение о злых и добрых князьях, только эти статьи насытил цитатами из Ветхого Завета. Мало вероятно, чтобы особенности его стиля проявились только в этих двух текстах. Еще менее вероятно, что кто-то именно эти фрагменты выбрал из летописи для Паримийного чтения. В статьях 1015 и 1019 гг. нет риторических отступлений, которых не было бы в паримии. Некоторые из них сокращены: нет сравнения Ярослава с Авраамом, Святополка с Антиохом, рассказа о смерти Авимелеха. Дважды в летописи хорошо видно заимствование: неудачно вставлены обе молитвы Ярослава. В статье 1015 г. возник повтор, а под 1019 г. — противоречие с рассказом об убиении Бориса (см. выше).

Нельзя предположить вслед за А. А. Шахматовым прямое заимствование риторических отступлений из Паримийного чтения. Это хорошо видно на примере статьи 1019 г. Летописец несомненно работал уже после канонизации святых, непонятно, зачем он выбросил упоминание о помощи ангелов Ярославу. Описание Альтской битвы составлено на основе летописного, но сильно от него отличается: в паримии иная очередность прихода противников на поле боя, битва продолжается ночью, начинается гроза. Чтобы избежать каких бы то ни было паримийных инноваций, нужно было постоянно сверяться с первоначальным летописным рассказом о битве, основой паримии. Летописец должен был выявлять и исключать все, что ему противоречило. Более логичным будет предположение, что оба, и редактор летописи, и составитель чтения, работали с од-

³⁹ Насонов А. Н. История русского летописания XI—XVII вв. М., 1964. С. 46—47.

⁴⁰ Соболева Л. С. Исторические паремии Борису и Глебу...: Дисс. С. 123—129, 132.

ним текстом, приравнивая его к своим задачам. Это могла быть отдельная повесть о борьбе Ярослава со Святополком, послужившая источником и для летописца, и для составителя Паримийного чтения.

Целью повести было объяснить причины выступления Ярослава против старшего брата. Вряд ли сейчас можно восстановить ее полный вид. Автор, судя по всему, не столько рассказывал о конкретных событиях, сколько старался приведением исторических параллелей доказать правомерность поступка Ярослава. Потому он сравнивает Ярослава с Авраамом, а его брата-противника — с ветхозаветными преступниками и царем Иродом, покушавшимся убить младенца-Христа. Вероятнее всего, там не было рассказа о событиях в Новгороде в 1015 г., и молитва Ярослава, где есть мотивировка похода («Не азъ почахъ избивати братию, но онъ... Еда и менѣ тако же сътворить»), не была связана с какими-то конкретными обстоятельствами. Автор вполне мог ограничиться сравнением Ярослава с Авраамом, освободившим племянника Лота от захвативших его врагов. Если сообщение об убийстве Святослава Древлянского и намерении Святополка перебить остальных братьев стояло первоначально после молитвы, то оно должно было служить доказательством правомерности действий Ярослава. Об Альтской битве в повести говорилось, хотя неясно, насколько подробно. По крайней мере, именно оттуда в летопись позднее вошло сообщение, что Борис был убит на Альте, а не под Киевом.

Автор повести своеобразно подходил к подбору источников. Во фрагментах «Повести временных лет», совпадающих с Паримийным чтением, цитируется только Ветхий Завет и Хроника Георгия Амартола. Едва ли из летописи были намеренно исключены новозаветные цитаты. Одна из них (1 Ин. 4:20—21) стоит в Первом чтении, вторая (Рим. 13:4) в рассказе о вече объясняет решение новгородцев помочь князю, третья (1 Петр. 1:15—16) входит в похвалу Борису и Глебу. Все три фрагмента обнаруживают явную вторичность по отношению к своим источникам. Цитата из Иоанна связана с речью Святополка, заимствованной из рассуждения о злых и добрых правителях и таким образом повторенной в Паримийном чтении дважды. Рассказ о вече скомпонован из летописного. Похвала начинается с заимствований из Анонимного сказания. Это позволяет предположить, что в общем источнике летописи и Паримийного чтения новозаветных цитат вообще не было.

Отсутствием новозаветных цитат отличается летописный рассказ об убийстве Бориса и Глеба. На то, что он теснейшим образом связан с рассказом о борьбе Ярослава со Святополком, обратил внимание А. Н. Насонов.⁴¹ Однако, за исключением совпадающих с паримийей фрагментов статей 6523 (1015) г. и 6527 (1019) г., это повествование носит явно светский, воинский характер. Рассказ об убийстве, напротив, имеет церковную окраску: даже в первоначальном варианте, источнике Пролога, уже есть молитвы святых, где подчеркнута их готовность к жертве.

В рассказе об убийстве, как и в паримии, и в статье 1019 г., наравне с Ветхим Заветом цитируется Хроника Георгия Амартола. Это текст об Ахаве, включенный в рассуждение об ангелах, бесах и злых людях: «Рече бо: „Кто идет прельстить Ахава?“. И рече бѣсъ: „Се азъ иду“» (ПВЛ) — «Ибо егда на Ахава Богъ отъветъ дастъ, глаголя: „Кто идетъ и прельститъ Ахава, и падеть?“. Отвеща неприязнью: „Се азъ“» (Хроника).⁴² Амартол приводит этот текст не в рассказе о том, как пророки, прельщенные дьяволом, ложно предсказали израильскому царю

⁴¹ Насонов А. Н. История... С. 36—37.

⁴² Хроника Георгия Амартола. С. 92.

победу (ср. 3 Цар. 20:22), а в своем собственном рассуждении о бесах и ангелах, помещенном после рассказа об Иове. Как и в отрывке об Ироде, происхождение цитаты из Хроники Амартола не указано.

Возникает вопрос: не был ли рассказ об убиении Бориса и Глеба написан специально для повести о мести Ярослава за убитых братьев? На него приходится ответить отрицательно. Цитатный материал, судя по всему, был добавлен к летописному рассказу из Древнейшего свода задним числом. Следы позднейшего дополнения видны при сравнении рассуждения о бесах и злых людях, которые хуже бесов, в Ипатьевской и Лаврентьевской редакциях «Повести временных лет» (далее — Ип. и Лавр.). Текст совпадает в обеих, но в Лавр. цитат нет. В Ип. текст об Ахаве из Хроники Георгия Амартола помещен после рассуждения об ангелах и бесах. За ним следует отрывок «Зль же чьловѣкъ, тьшася на зьлое, хужь естѣ бѣса...». Можно было бы сказать, что в Лавр. мы имеем дело со случайным пропуском, если бы в конце этого отрывка в Лавр. не отсутствовала цитата из Псалтыри о грешниках (Пс. 37:2—5). Как и для всех остальных псалмов, указано ее происхождение: «Тѣмъ же и Давыдъ глаголаше». Очевидно, в протографе Лавр. вообще не было этих двух цитат. Так как все остальные в статье 1015 г. читаются, то переписчика протографа Лавр. нельзя заподозрить в намеренном сокращении. Пропуск мог возникнуть, если в оригинале, с которого он переписывал текст, цитаты были вставками, а переписчик не обратил внимания на пометы.

Вторым аргументом в пользу отсутствия цитат в первоначальном рассказе служит то, что их нет в основанном на нем Проложном чтении. При этом туда вошли краткая похвала Владимиру и полностью молитвы Бориса и Глеба. Можно предположить, что цитаты были сокращены при составлении чтения, но более вероятно, что их не было изначально. Их отсутствие свидетельствует не о светскости автора, а только о его литературных вкусах. Библейских текстов нет в статьях «Повести временных лет» «О начале Печерского монастыря» (6558 г.), о смерти Феодосия Печерского и о первых печерских подвижниках (6582 г.). Их автор в статье 1050 г. называет себя пострижеником Феодосия, следовательно, он был печерским монахом.

На разное авторство летописного рассказа об убиении и рассказа о мести Ярослава указывает то, что цитаты несут разную смысловую нагрузку. В части летописи, совпадающей с паримией, они являются неотъемлемой организующей частью текста. В рассказе об убиении они служат своеобразными иллюстрациями к повествованию. Из 12 цитат к святым отнесено только 6 псалтырных текстов, причем 5 из них сосредоточены в рассказе о предсмертной заутрене Бориса. Три (Пс. 3:2; 37:3, 18; 142:1—3) происходят из шестопсалмия, открывающего утреню, о чем и сказано в тексте. Два (Пс. 21:13, 17; 7:2) также относятся к описанию службы, хотя и несут определенную смысловую нагрузку. Одна цитата (Пс. 132:1) завершает фразу о небесных венцах Бориса и Глеба. Остальные цитаты относятся к убийцам святых. Притч. 1:16—19 (*Пид. 1 нед. В. пост.*) завершает рассказ о совещании Святополка с вышегородцами; две (Амартол и Пс. 37: 2—5) включены в рассуждение о злых людях, еще три (Пс. 9:18; 36:14—15, 19—20; 51:3—7) описывают возвращение убийц к Святополку и его реакцию. У того, кто подбирал цитаты, тема преступления явно вызывала больший интерес, чем подвиг святых. Это соответствует общим задачам предполагаемой повести о мести Ярослава за убитых братьев.

Составитель повести включил в нее летописный рассказ об убиении Бориса и Глеба, дополнив его цитатами из Ветхого Завета и Хроники Георгия Амартола, придавшими ему торжественный характер. В тексте нет постоянного именованья братьев святыми, и, следовательно, он создан еще до канонизации.

Судя по тому, какое внимание в повести было уделено Ярославу, она составлялась при жизни князя. Предложенную Л. С. Соболевой широкую датировку 1036—1054 гг. можно уточнить как по характеру цитируемого материала, так и по его отражению в других памятниках.

Несомненно, что повесть, послужившая источником для Паримийного чтения, вошла уже в Начальный свод. Это видно по взаимоотношению современного текста «Повести временных лет», Проложного чтения, основанного на древнейшей редакции летописного рассказа, и Анонимного сказания. В Сказании отразились все дополнения, сделанные в НС к рассказу об убийстве Бориса и Глеба (упоминания о Предславе и Георгии Угрине, отсутствующие в древнейшей редакции). Статья 1019 г. вошла в Анонимное сказание уже в том виде, в каком мы находим ее в «Повести временных лет»: тексты, сходные с паримией, в соединении с описанием болезни Святополка. При этом редактор заменил рассказ о Каине и Ламехе, основанный на Хронике Амартола, на библейский текст, известный ему по Паримийнику: «Яко же Каинъ, не вѣдьми мьсти прияти, и едину прия, а Ламѣхъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седмьдѣсятицо мьсти ся ему».

Рассказа о смерти Святополка от болезни не было в первоначальной редакции Анонимного сказания («Сказания страсти»). Там он сравнивался с Юлианом Отступником, который «невѣдомо отъ кого прободенъ бысть, копиемъ въ сьрце вѣдруженъ». Нестор, утверждавший, что Святополк был изгнан народным восстанием («крамолою бывшею отъ людии»), тоже пишет о его лютой смерти и сравнивает с Юлианом Отступником. Агиограф уже знает, что это случилось «въ странахъ чюжихъ», но ни о параличе, ни о смраде, исходящем от могилы Святополка, ничего не говорит и не связывает смерть князя с Альтской битвой.⁴³

А. А. Шахматов считал, что упоминание о Святославе Древлянском в летописи первоначально. Это известие и рассуждение о князьях, входившие в общий источник Паримийного чтения и летописи, в Анонимном сказании не отразились вообще. Нестор пишет об этом очень кратко: «Оканьныи же ти изнесоша тѣло святого (Глеба), повергоша въ пустыни подь кладую, ти тако отъидоша ко оканьному, възвѣстиша ему вся, еже створиша святому. Си же слышавъ, немилосѣрдии тѣ не сжалиси о томъ, ни поне малы управи ся отъ того, нѣ и на прочюю братью въздвизаше гонения, хотя вся изгубити, ти самъ единъ владѣти всѣми странами. Нѣ Богъ, „вѣдьми тайны сердечныи и хотя всѣмъ чловѣкомъ спасти ся, и въ разумъ истиньныи приити“, не попусти оканьному тако створити, нѣ потреби отъ земля сия». Заслуживает внимания то, что Нестор пересказывает именно фрагмент статьи 1015 г., так как он читается теперь в «Повести временных лет». Сначала он пишет о том, как убийцы похоронили Глеба, затем о том, как они вернулись к Святополку. Пропустив похвалу святым,⁴⁴ Нестор говорит о том, что Святополк собирался изгнать всех братьев, чтобы владеть одному всеми землями, но Бог ему этого не дал.

Конечно, странно, что Нестор прямо не пишет об убийстве Святослава и что этой информации не было в «Сказании страсти» первоначальной редакции. С одной стороны, в задачу обоих авторов входило рассказать лишь о мученичестве Бориса и Глеба. С другой стороны, сообщение об убийстве третьего брата было бы важно для характеристики окаянного князя, и знаменательно, что об

⁴³ А. А. Шахматов, правда, полагал, что слова «въ мрацѣ его видѣвше, суша тако, яко же и Ульяна законопреступного» испорчены. Должно было быть «въсмѣрѣвша тако, яко Ульяна» (Шахматов в А. А. Повесть временных лет. С. LXXV).

⁴⁴ А. А. Шахматов предполагал, что Похвала была вставлена только в «Повести временных лет» (Шахматов в А. А. Разыскания. С. 36—37).

этом не говорят два разных писателя. Уклончивая фраза Нестора о гонениях на других братьев (но не об убийствах их) свидетельствует, как мне представляется, о том, что уверенности в убийстве Святослава по приказу Святополка в первой половине XI в. не было. Не было ее и у Нестора. Но в первой половине 80-х гг. XI в., когда он работал над своим «Чтением», источник Паримийного чтения уже был включен в летопись и именно в то место, где мы находим его теперь. Следовательно, он был использован уже Никоном при составлении свода в 70-х гг. XI в.

Важный датирующий момент — это хронографические источники. В предполагаемом повествовании о мести Ярослава из них происходят сведения об Ахаве (Убиение Бориса и Глеба), цитата из пророка Даниила (1015 г., паримия), упоминание об Антиохе (паримия), смерть Ирода Великого (1019 г., паримия) и Авимелеха (1019 г., паримия), история Каина и Ламеха (1019 г., паримия). Книга пророка Даниила с толкованиями входила в конвой Хронографа по великому изложению. Текст об Авимелехе наибольшую близость обнаруживает с Вводной частью «Летописца Еллинского и Римского», т. е. опять с Хронографом по великому изложению. О пленении Иерусалима Антиохом и о болезни Ирода подробно говорится у Георгия Амартола. Эти отрывки входили в Хронограф по великому изложению: они читаются в восходящих к нему Полной палее, Троицком хронографе и «Еллинском Летописце».⁴⁵

Фрагмент о бесе, идущем прельстить Ахава, цитируется по полному переводу Хроники Георгия Амартола, а не по Хронографу по великому изложению. Его нет в Полной палее, Троицком хронографе, «Летописце Еллинском и Римском». Только на 1-й главе Хроники основано утверждение, что Каин принял 7 отмщений и что Ламех убил двух братьев Еноха и женился на их вдовах.⁴⁶ Следовательно, составителю повествования был известен полный текст Хроники.

В сводах, предшествовавших «Повести временных лет», использовался компилятивный Хронограф по великому изложению, а не полный текст Георгия Амартола. Это привело к появлению ряда ошибочных дат, исправленных Нестором в «Повести временных лет».⁴⁷ На самом деле мы не можем быть уверены, что первое обращение к Хронографу по великому изложению произошло именно в Начальном своде 1093 г., а не в своде Никона 70-х гг. Возможно, что и разбивка Древнейшего свода на погодные статьи, и первые точные датировки событий IX—X вв. принадлежат Никону. По крайней мере, именно он впервые стал давать дневные даты заносимых им в летопись событий.⁴⁸ Тогда именно он мог первым привлечь Хронограф. То, что Никон не обратился к полному переводу Хроники Георгия Амартола, ограничившись краткими извлечениями из Хронографа, не может служить доказательством того, что в конце 70-х гг. XI в. полный перевод еще не был закончен. Речь идет о выборе источников, а даже современные авторы руководствуются подчас совершенно необъяснимыми соображениями или попросту не считаются с новыми работами коллег.

⁴⁵ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 245, 264—266: описание состава памятников. Об Антиохе: фр. 117, 118 Полн. Пал., фр. 58, 59 Тр. хр. (текст: Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 291, 293; Летописец Еллинский... Т. 1. С. 184, 186—187). Об Ироде: фр. 148, 150 Полн. Пал., фр. 95 Тр. хр. (текст: Троицкий хронограф. С. 299; Летописец Еллинский... Т. 1. С. 202—203).

⁴⁶ Хроника Георгия Амартола. С. 54.

⁴⁷ Шахматов А. А. 1) Разыскания... С. 99—101, 394—395; 2) Повесть временных лет и ее источники. С. 60, 72—80; Творогов О. В. Повесть временных лет и хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.

⁴⁸ Шахматов А. А. Разыскания... С. 420—460.

Относительно времени и места перевода Хроники Амартола существуют различные точки зрения. В. М. Истрин полагал, что перевод был сделан на Руси при Ярославе Мудром не позже середины XI в.⁴⁹ Убедительных контраргументов пока не приведено. В. М. Истрин писал о близости переводчика Хроники Георгия Амартола к летописцу, создавшему Древнейший свод. Он особо отмечал, что вся лексика, относящаяся к воинскому искусству, русского происхождения и совпадает с летописной. Те же особенности характеризуют, по наблюдениям Н. А. Мещерского, и русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, сделанный тоже около середины XI в. Переводчик, мастерски владевший стилем, часто дополнял описания боев придуманными им самим живыми подробностями.⁵⁰ К числу таких дополнений принадлежит и совпадающая с Паримийным чтением и «Повестью временных лет» фраза.

Таким образом, круг источников автора повести о мести Ярослава за убитых братьев укладывается в пределы 40—50-х гг. XI в. Это заставляет датировать появление общего источника паримии и летописи последним десятилетием жизни Ярослава Мудрого. Датируя первоначальную редакцию рассказа о мести периодом от 1036 г., Л. С. Соболева не учитывала объем заимствований из Хроники Георгия Амартола и Хронографа по великому изложению. Даже если автор имел доступ к черновым материалам своих коллег или сам входил в группу переводчиков, работа доолжна была вестись хотя бы одновременно. Потому более вероятно появление этого памятника в период от середины 40-х гг. до 1053 г. (17 февраля 1054 г. Ярослав умер). Не случайно именно в это время, как отметил А. Поппе, в княжеской семье возникает интерес к памяти Бориса и Глеба: старшие внуки Ярослава получают имена в честь убитых дядьев.

5. Появление «исторических» паримий

До работ Л. С. Соболевой недостаточное внимание уделялось тематике «исторических» паримий. Исследовательница впервые указала на то, что Паримийное чтение посвящено теме мести Ярослава за убитых братьев, а не мученичеству святых. Основной акцент стоит на Альтской битве, кара окаянного князя — это самая важная часть «исторических» паримий.

Последнее время все больше исследователей, занятых доказательством того, что Борис и Глеб были убиты Ярославом, а не Святополком, отрицали и сам факт Альтской битвы. В этом свете было забыто очень важное предположение А. А. Шахматова: первоначально 24 июля отмечали не память убийения Бориса и Глеба, а праздновали победу Ярослава над Святополком в 1019 г. Первая церковь на Альте была построена в память этого события, и только потом ее стали связывать с местом гибели Бориса. Затем, когда 24 июля (1026 г., по А. А. Шахматову) была освящена церковь в память Бориса и Глеба в Вышгороде, это окончательно превратило дату Альтской битвы в день памяти Бориса и Глеба.⁵¹

Эта гипотеза объясняет многое в истории создания сначала повести о мести Ярослава, а затем «исторических» паримий. Установление праздника в честь победы — традиция, достоверно известная на Руси в позднее время. В 1167 г. праздник 1 августа в честь Спаса Премилостивого установил Андрей Боголюбский в память победы над волжскими болгарами. Тогда же было написано Про-

⁴⁹ Истрин В. М. Книги временныя... Пг., 1922. Т. 2. С. 309; Л., 1930. Т. 3. С. V—L.

⁵⁰ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 75—80, 105—121.

⁵¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 84, 58, 475—476.

ложное чтение, объясняющее смысл празднования. Нечто подобное произошло, как показывает литературная история Паримийного чтения, и раньше при Ярославе.

Существовало воспоминание, что последний лагерь Бориса, где он был смертельно ранен, стоял где-то на Альте. Было ли это в верховьях, где узкие лощины глубокой речной долины врезались в обширное поле (ныне киевский аэродром «Борисполь»), или в нижнем течении, никто точно указать не мог. Более того, существовала версия, что Борис был убит в бору под Киевом, а вовсе не на Альте. Именно она записана в летописи. В полном противоречии с ней в статье 1019 г. утверждается, что Ярослав на Альте стоял «на мѣстѣ, идеже убиша Бориса». Эта фраза вводит молитву князя, где он просит отпущения за пролитую кровь. Весь фрагмент совпадает с паримией, следовательно, он происходит из повести о мести Ярослава. Конечно, с самого начала на литургии и на торжественной панихиде поминали не только павших в 1019 г. воинов, а и убитых в 1015 г. князей. Возможно, сначала на службе поминался только Борис, так как он все-таки погиб где-то рядом и по времени вскоре после смерти Владимира 15 июля 1015 г. В пользу этого предположения свидетельствует то, что уже в тексте Древнейшего свода, вошедшего в Проложное чтение, Борис несколько раз назван «блаженным», а Глеб так не именуется ни разу. Постепенно сложилась версия, что Борис погиб именно на Альте и именно 24 июля. Она и вошла в повесть о мести Ярослава, а затем вместе с другими отрывками из нее в Никоновский свод 70-х гг. XI в.

В повести о мести Ярослава за убитых братьев тема святости Бориса и Глеба никак не была разработана, если не считать очень осторожного и не высказанного прямо намека, что победа на Альте была дарована Ярославу по заступничеству его братьев. Когда отрывок из статьи 1019 г. включался в Анонимное сказание, то редактор особо подчеркнул именно святость Бориса и Глеба. В летописи и паримии сказано, что Ярослав стал «на мѣстѣ, иде же убиша Бориса», а в Анонимном сказании читается: «на мѣстѣ, иде же бѣ убьенъ святыи Борисъ». В молитву Ярослава тоже сделана вставка: «Брата моя, аще тѣломъ отошля еста отъсюда, нѣ благодатию жива еста и Господеви предстоита, молитвою помозѣта ми на противнаго сего убиинцо гърдаго». Предположение, что редактор летописи и составитель паримии специально вымарывали все указания на святость Бориса и Глеба, невероятно, следовательно, их не было в источнике. Это было бы невозможно, если бы повесть появилась сразу после прославления Бориса и Глеба при Ярославе.

Вероятно, отрывки из повести читались на торжественной литургии в день 24 июля на ежегодном праздновании победы над Святополком, и это были части, посвященные борьбе с братоубийцей, а не гибели Бориса и Глеба. Только этим можно объяснить то, что традиция чтения, где главными были Ярослав и Святополк, а вовсе не святые, продолжала существовать и после установления церковного почитания Бориса и Глеба.

В Вышгороде, куда Ярослав перенес останки Глеба и похоронил рядом с Борисом, ежегодное поминание братьев могли также совершать в день Альтской битвы. Вполне вероятно, что после Лиственской битвы 1026 г., когда Ярослав был вынужден уступить все левобережье Днепра младшему брату черниговскому князю Мстиславу, местом торжественного богослужения в память 24 июля стала вышгородская церковь св. Василия. Это было естественно — ведь Ярослав выступал как мститель за своих убитых братьев, здесь похороненных. Тогда память убитых князей могло окончательно затмить празднование победы живущего и правящего.

В 1036 г. Мстислав умер, его единственный сын скончался еще раньше, и Ярослав вернул себе и Черниговское княжество, и Переяславское. Очевидно, тогда же была возобновлена традиция празднования на Альте. По свидетельству Вышегородских записок, источника «Сказания чудес» и Несторова «Чтения», незадолго до изнесения мощей Бориса и Глеба могила братьев Ярослава пребывала в таком небрежении, что по ней спокойно могли ходить. Проложное чтение, основанное на повествовании Древнейшего свода, вообще не упоминает о том, где были похоронены Борис и Глеб. Это подтверждает свидетельство Вышегородских записок, что могила братьев не оказывалось никаких почестей.

Согласно «Сказанию чудес» и Несторову «Чтению» о святости братьев людям напомнил Бог. Когда на никак не отмеченную могилу наступил варяг, из земли вышел огонь и опалил ему ноги. С тех пор вышегородцы стали приходить и поклоняться святым братьям. На то, что культ Бориса и Глеба первоначально возник в среде простых горожан, впервые указала Г. Ленхофф.⁵² Это действительно был обычный путь формирования культа правителя-мученика. Затем сгорела церковь, но ее утварь чудесным образом не пострадала. Тогда встал вопрос о строительстве нового храма.

«Сказание чудес» и Несторово «Чтение» всячески превозносят роль Ярослава в установлении почитания Бориса и Глеба, но из текста обоих памятников следует, что инициаторами перезахоронения мощей Бориса и Глеба были вышегородцы. Старейшина «городников» Миронег явился к князю и рассказал ему о совершившихся чудесах. Только тогда Ярослав вспомнил о том, что в Вышгороде были похоронены его братья. Посоветовавшись с митрополитом Иоанном, он решил извлечь мощи из земли. После того, как они были перенесены в часовню, совершились новые чудеса, и князь с митрополитом установили ежегодное церковное поминание свв. Бориса и Глеба в Вышгороде. Говорить об общерусском значении культа тогда еще не приходится. В свете этих обстоятельств не кажется удивительным молчание Илариона, будущего митрополита. В своем «Слове о законе и благодати», произнесенном не позже 1049 г., восхваляя Владимира, он даже не упоминает о культе его сыновей. Для Ярослава он был совсем не так значим, как для последующих поколений.

Вопрос, когда же произошло изнесение мощей братьев и можно ли считать его действительно началом культа, сложен. Существуют несколько датировок. В «Сказании чудес» говорится, что изнесение мощей произошло при Ярославе и митрополите Иоанне. Ему в рукописях приписывается авторство первой службы. Иоанна I принято считать предшественником Феопемпта, единственного митрополита, упомянутого в летописи за период от крещения Руси до поставления в 1051 г. Илариона — первого русского по происхождению на Киевской кафедре. Однако нет никаких свидетельств, что Иоанн был предшественником, а не преемником Феопемпта, упомянутого в «Повести временных лет» под 1039 г. в связи с повторным освящением Десятинной церкви в Киеве. Своды, предшествовавшие «Повести временных лет», подчеркнута не интересуются историей митрополии. В летописях до 1096 г. нет дат поставления ни одного митрополита, кроме Илариона (1051 г.), а их кончины вообще не указаны. Иоанн даже не упомянут ни в «Повести временных лет», ни в Н1. О нем говорится только в «Сказании чудес» и Несторовом «Чтении».

В «Сказании чудес» есть более или менее точная датировка возведения церкви Ярославом. Там говорится, что к 1071 г., когда Изяслав Ярославич начал

⁵² L e n h o f f G. The Martyred Princes Boris and Gleb // University of California, Los Angeles. Slavic Studies. Columbus, 1989. Vol. 19. P. 48.

строить новый храм, ей было приблизительно 20 лет. Следовательно, церковь в Вышгороде была построена Ярославом ок. 1051 г. Тогда митрополитом был уже Иларион. Н. С. Серегина, анализируя древнейшую службу, приписываемую митрополиту Иоанну, выделила в ее составе три разных памятника. Исследовательница пришла к выводу, что автором древнейшей на самом деле был Иларион.⁵³ Впоследствии его произведение было приписано Иоанну II, автору службы, написанной по случаю перенесения мощей 1072 г. Однако служба действительно могла быть написана Иоанном I, если он был непосредственным предшественником Илариона.

А. Поппе полагает, что канонизацией можно считать только перенесение 1072 г. Но, по его же наблюдениям, первичное почитание свв. Бориса и Глеба складывается уже в 40—начале 50-х гг. XI в., когда первые внуки Ярослава получают имена в честь убитых дядьев.⁵⁴ В работе 1995 г. А. Поппе отмечает, что в Восточной церкви не было такой юридической процедуры канонизации, как в Западной. Существовала возможность постепенного развития ежегодного поминания чтимого усопшего в празднование памяти святого. Исследователь не отрицает возможности прославления мощей при перенесении их в новую церковь в последние годы жизни Ярослава Мудрого (1051—1054).

К началу 50-х гг., когда стихийное почитание Бориса и Глеба уже сложилось, перенесение мощей после пожара церкви только закрепило существовавшую традицию. Но при Ярославе на службе продолжали возглашать традиционное чтение, где история новоявленных святых отходила на второй план. И такое положение, судя по всему, продержалось до 1072 г.

Следующим этапом было создание вышегородским клириком текста «исторических» паримий. Не порывая с устоявшимся обычаем под 24 июля произносить чтение о мести Ярослава за убитых братьев, а не об их подвиге, составитель создал новый текст на основе традиционного чтения, летописи и Паримийника. На его вышегородское происхождение указывает, как отмечала еще Л. С. Соболева, упоминание о Вышгороде во вставной похвале Борису и Глебу. Новое чтение появилось, видимо, в 70-е гг. XI в. вскоре после перенесения мощей 1072 г. Оно опиралось еще на Древнейший свод с приписками, а не на Никоновский, появившийся после 1076 г.: в текст еще не вошли рассказы о смерти Святополка от болезни и о его вечно смердящей могиле. Я полагаю, что в то время еще не существовало путаницы между житийным чтением и паримийным. Эта ошибка появилась не раньше XIII в.

Самое древнее указание на то, что на вечерне читается какой-то текст, рассказывающий о Борисе и Глебе, есть в Студийском уставе по списку XII в. (РНБ, Соф. 1136). Служба Борису и Глебу приписана на нижних полях в XIV в., когда часть месяцеслова была оторвана. Отрывок, содержащий службу по списку XII в., ныне находится в Курском краеведческом музее. В нем ссылка дана не на тексты Борисоглебского цикла, а на Житие Владимира, «томъ есть мучение святою Бориса и Глеба». В Трефологии XIV в. (РНБ, Соф. 386) указано после седальна: «И чьтет мучение ихъ на 4». Далее расписана служба и евангельские и апостольские чтения.

В заголовке «исторических» паримий по дополнительной тетради Захарьинского паримийника написано «Святою мученика Бориса и Глеба на вечерни чтения 3. От Бытия чтение». В приписке почерком XV в. на последнем листе Па-

⁵³ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 93.

⁵⁴ Поппе А. 1) О времени зарождения культа свв. Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. 1973. Т. 1. Р. 9—15; 2) О зарождении культа свв. Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. 1995. Т. 8, 1. Р. 56—68.

римийника Q.п.1.14 дана краткая схема службы на Перенесение мощей 2 мая: «Тропарь. Правдѣвая страсготерпца <...>⁵⁵ Кондак. Зѣри: „Блаженъ мужъ“ стихирь на 8. Чтения 3-я. „Братѣя въ бѣдахъ пособивы бываити“. На стиховне стихирь. „Праведникъ яко финикъ“». Сходное определение дано в «Соборнике Дионисия Глушицкого» (РНБ, Соф. 438) под 24 июля: «Выходь. Прокимень дню. Чтения 3: Богословя сентября 26 (*переписано Ин. 4:20—21, 5:1—6*). Или се чѣти: Отъ Бытия чѣтение (*переписаны «исторические» паримии*)». Далее продолжается текст службы.

При общей краткости указаний служебника могла возникнуть неясность, что такое «Чтение 3»: паримия или житие. В зависимости от нужд заказчика рукописи в ней могли воспроизводиться или оба текста, или один, или только ссылки. Пуганица усугублялась тем, что в XIV в. было уже два вида библейских паримий Борису и Глебу, и оба начинались чтением «От Бытия». Текст, озаглавленный «Братѣя въ бѣдахъ пособивы бываите», не походил на житие, о «мучении» святых там ничего не говорилось. Он начинался с обширной выписки из Паримийника и на каком-то этапе явно стал осознаться как еще один вариант обычного паримийного чтения, что и зафиксировано служебниками.⁵⁶

Это ошибочное отождествление могли сделать только во второй половине XIII в. Как сказано в предисловии к учебному изданию чинопоследования Литургии, «знание Церковного Устава и его понимание приобретается прежде всего практическим способом».⁵⁷ После татаро-монгольского разгрома Южной Руси многие священники погибли или бежали, разъяснить, что значит краткое указание устава, было некому. Чтение «Братѣя въ бѣдахъ пособивы бываите» у позднейших поколений священнослужителей и мирян ассоциировалось с древней киевской традицией. Оно стало в полном смысле слова чтением «От Бытия» — из истории Святой Руси времен великого ее процветания.

⁵⁵ Текст см.: Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба. Пг., 1916. С. 174.

⁵⁶ Кравецкий А. Г. Из истории паримийного чтения Борису и Глебу // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 44—46.

⁵⁷ Всенощное Бдение. Литургия. Издание Московской Патриархии. М., 1990. С. 4.